

О НЕКОТОРЫХ ПОПЫТКАХ РЕАБИЛИТАЦИИ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РЕАКЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А. С. Ерусалимский?

I

Давно прошли те времена, когда буржуазная историческая наука имела некоторые основания гордиться своим умением отыскивать новые документы, высокой техникой исследования источников. После того как буржуазия утвердила своё господство, а на историческую арену вышел революционный класс, осознавший свою историческую задачу освобождения человечества от ига капитализма, буржуазная историография вступила в полосу глубокого кризиса, всё более утрачивая элементы научности. Говоря словами К. Маркса, «отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой»¹.

Ещё в начале 70-х годов XIX в., когда капитализм только ещё начал перерастать в империализм, один из типичных представителей английской либеральной историографии, Эдуард Фриман, сбросил с себя маску академического «объективизма». «История,— писал он,— есть политика прошлого; политика есть история, опрокинутая в настоящее»². Этот тезис, по сути дела, отрицающий историю как науку и откровенно низводящий её до уровня политической служанки господствующих классов, стал альфой и омегой реакционной буржуазной историографии. Четверть века назад один из эпигонов буржуазного объективизма, немецкий историк Ф. Мейнеке, пытаясь исторически обосновать союз империалистической Германии с Англией против СССР, цинично писал: «Будем честны и признаем, что история переходит тут в политику и тем более должна переходить, чем ближе затрагивает нас исследуемый объект»³.

И действительно, развитие реакционной буржуазной историографии в эпоху империализма идёт по пути разработки исторических концепций, призванных оправдать курс на утверждение господства реакции и развёртывание агрессии во имя интересов господствующих эксплуататорских классов.

В Германии то были концепции идеологов «Пангерманского союза», рассматривавших империалистическую Германию как «сердце Европы», а немцев — как единственную расу, призванную господствовать в Европе

¹ К. Маркс. Капитал. Т. I. М. 1949, стр. 13.

² Ed. A. Freeman. Comparative politic. Six lectures read before the Royal institution in January and February 1873. London. 1873; The methods of historical study. London. 1886.

³ F. Meinecke. Geschichte des deutsch-englischen Bündnisproblems 1890-1901. München—Berlin. 1927.

и во всём мире⁴. Воспевая культ милитаризма и реакции, империалистической агрессии и войны, эти концепции нашли своё крайнее человеконенавистническое выражение в немецко-фашистской историографии в период господства гитлеровского режима. Ныне в Западной Германии эти концепции снова расцветают пышным цветом.

В Англии одним из родоначальников империалистической концепции в конце XIX в. был Джон Сили. Его книга «Расширение Англии»⁵ до сих пор является библией британского колониального экспансионизма, а другая его работа, «Развитие британской политики»⁶, апологией агрессивных целей и специфических методов английского империализма, борющегося за утверждение своего мирового господства.

В Соединённых Штатах Америки одним из ранних империалистических идеологов в области историографии был А. Мэхэн. Его концепция, изложенная в книге «Влияние морской силы на историю»⁷, разработанная по прямому заданию мультимиллионера Карнеги, до сих пор перевозится правящими кругами США, как обоснование «исторической миссии» американского империализма, якобы призванного господствовать на всех морях и океанах и играть руководящую роль во всём мире.

В концепциях Сили и Мэхэна уже в момент их формирования обнаружилось значительные разноречия: если Сили в рамках «англо-саксонской расы» выдвигал на авансцену Англию как руководящую политическую силу, то Мэхэн ставил на первое место Соединённые Штаты Америки. Впоследствии эта тенденция проявлялась в империалистической политике и в реакционной историографии этих стран с ещё большей резкостью и остротой.

Наряду с расизмом и идеей мирового господства старые трубадуры английского и американского империализма Сили и Мэхэн выдвинули также реакционную «идею» исторической необходимости и политической целесообразности отстранения народов от всякого влияния на решение вопросов внешней политики и дипломатии. Отсюда попытки исторической апологии тайной дипломатии, предоставляющей столь широкие возможности для тёмных и спекулятивных дел в интересах обеспечения экспансии, агрессии и организации заговора против всеобщего мира.

Поэтому нет ничего удивительного, что Джозеф Чемберлен и Сесиль Родс — наиболее типичные, по выражению В. И. Ленина, «герои дня» английского империализма в период завершения его формирования — поспешили поднять на щит «англо-саксонский» расизм и апологию колониальной экспансии, преподанные Джоном Сили и его школой английской историографии, а один из наиболее характерных представителей агрессивного американского империализма, Теодор Рузвельт, поспешил объявить себя учеником Мэхэна и сторонником практического осуществления его исторических взглядов относительно роли военно-морского флота в борьбе за мировое господство.

В период между первой и второй мировыми войнами руководящую роль в англо-американской историографии играли историки-профессионалы типа Бирда и Фея, Гуча и Темперлея, каждый из которых отражал и формулировал в своей области политические интересы и взгляды господствующих классов или попросту выполнял задания государственного департамента и Форейн оффис. Но во время второй мировой войны и в

⁴ Например, «Alldeutsche Blätter» 1894—1919. E. H a s s e. Deutsche Politik. B. I—II. München. 1905—1908; D. F r y m a n n. Wenn ich der Kaiser wär. Leipzig. 1912; H. O n c k e n. Das alte und das neue Mitteleuropa. Historisch-politische Betrachtungen über deutsche Bündnispolitik im Zeitalter Bismarcks und im Zeitalter des Weltkrieges. Gotha. 1917; H. C l a a s. Gegen den Strom. Stuttgart. 1928; J ä c k. Deutschland als Herz Europas. Berlin. 1929; Lothar W e r n e r. Der Alldeutsche Verband 1890—1918. Berlin. 1930.

⁵ J. R. S e e l y. The expansion of England. London. 1921.

⁶ J. R. S e e l y. The growth of British policy. Cambridge. 1922.

⁷ A. M a h a n. The Influence of Sea-Power upon History. London. 1890.

особенности в послевоенный период они отошли на задний план. На авансцене англо-американской историографии появились теперь сами монополисты и их непосредственные политические ставленники. Этот факт, небывалый доселе в историографии, признаёт и официальный орган американского «Общества истории бизнеса»: «Радостно видеть, как на наших глазах суживается водораздел, отделявший ученых от бизнесменов, и между ними развивается тесное сотрудничество»⁸. Ценное признание!

Не менее тесное сотрудничество, в особенности после второй мировой войны, установилось между американской историографией и Пентагоном. Как говорится в докладе «Милитаризация просвещения», опубликованном в Соединённых Штатах Америки, «значение тесной связи между военными и деятелями просвещения данной страны является глубоким и само по себе очевидным». По признанию бюллетеня «Общества истории бизнеса», одной из главных задач современной американской историографии является фальсификация истории внешней политики американского империализма, ибо правдивое освещение экспансии американских монополий «подрывает нынешние усилия государственного департамента». Поскольку усилия государственного департамента и Пентагона в последнее время направлены к тому, чтобы восстановить мощь германских монополий и воссоздать реваншистские вооружённые силы под руководством гитлеровского генералитета, реакционная историография в США добивается исторической реабилитации германского империализма, милитаризма и фашизма. Захватив инициативу в свои руки, она стремится распространить своё идеологическое влияние в зависимых от США странах. Разумеется, особенным её благорасположением пользуется Западная Германия, которую американский империализм рассматривает как свою вотчину. Реакционные историки в Англии и в Западной Германии, обращаясь к проблемам исторических судеб Германии в новое и новейшее время, в основном идут в том же направлении, что и американские.

II

Ещё во время второй мировой войны, когда народы Советского Союза и другие свободолюбивые народы Европы вели героическую борьбу против гитлеровского империализма, монополисты США разрабатывали обширные экспансионистские планы, осуществление которых должно было обеспечить им мировое господство. Промышленные и финансовые магнаты Уолл-стрита рассматривали германских монополистов как одного из самых крупных и опасных империалистических соперников США и мечтали о том, чтобы сокрушить экономическую мощь Германии, устранить её с мирового рынка и таким образом расширить своё господство. Один из лидеров этой группы монополистов, Генри Моргентау, занимавший пост министра финансов, осенью 1944 г. представил президенту США Рузвельту план уничтожения германской промышленности, превращения Германии в аграрную страну и низведения её до уровня колонии. После войны Моргентау опубликовал книгу «Германия — наша проблема»⁹, в которой пытался исторически обосновать свой план.

Подобно римскому сенатору Катону, постоянно призывавшему разрушить Карфаген, новоявленный американский Катон призывал разрушить Германию — не только гитлеровское государство, но и германское государство вообще, не только военно-экономическую машину гитлеровской агрессии, но и всю германскую экономику. «Моя программа ликвидации угрозы германской агрессии, — писал он, — заключается в своей простейшей форме в лишении Германии её тяжёлой промышленности». Но прежде всего в целях обоснования своих политических планов Морген-

⁸ «Business historical society». Bulletin. Boston. Vol. XXII, № 1. February. 1948.

⁹ Henry Morgenthau. Germany is our problem. New York—London. 1945.

тау решил «разрушить» исторические легенды, получившие распространение среди правящих кругов американского капитала. Не без иронии он пишет, например, что в освещении американской историографии Германия в первой половине XIX в. предстаёт «сказочной страной, где принц Альберт и принц Эрнст собирали образцы трав в лесах или играли небольшие дуэты на фортепьяно в старинных обветшалых замках, страной, где крестьянин откармливал своего рождественского гуся в аккуратной прибранных крестьянских двориках, страной, где большинство королей и принцев Европы находили себе исключительно некрасивых жён».

Отбрасывая эти сентиментальные исторические легенды, Моргентау рекомендует обратить внимание на другую, решающую, с его точки зрения, сторону дела, а именно на то, что «на протяжении столетий Европа вербовала наёмников в этих живописных деревушках». Моргентау утверждает, что этот факт свидетельствует об истонной агрессивности, исторически или даже биологически присущей немецкому народу. Более того, он утверждает, что «жажда немецкого народа к завоеваниям» послужила первопричиной всех войн, которые когда-либо вела Германия, включая две войны мирового масштаба, развязанные в первой половине XX века. Моргентау бегло и глухо упоминает о роли юнкеров как «самых упорных поджигателей войны в Европе на протяжении ряда поколений». Но и юнкерство он рассматривает не как определённую социальную силу, а просто как составную часть немецкого народа. Что касается другого реакционного класса, магнатов финансового капитала, то он вовсе не считает нужным упоминать о его роли как вдохновителя и организатора военной агрессии. Всю ответственность за войну он возлагает на немецкий народ, в особенности на немецкий пролетариат. Поскольку, утверждает Моргентау, германская промышленность всегда работала преимущественно для нужд войны, немецкий рабочий класс был одной из главных движущих сил германской агрессии.

Вся эта чудовищная фальсификация истории преследует две цели. Во-первых, выдвигая тезис, что «воля к войне» и «неприязнь к демократии» являются основными свойствами немецкого народа, Моргентау хочет оклеветать немецкий народ, скомпрометировать его демократические традиции; во-вторых, Моргентау стремится реабилитировать германский финансовый капитал, уже давно многочисленными нитями связанный с финансовым капиталом США.

Исторические экскурсы американского министра финансов, прикрывавшиеся антинацистской фразеологией, уже тогда имели определённую политическую направленность. Моргентау заявил себя не только сторонником аграризации Германии, рассредоточения и деклассирования немецкого пролетариата путём принудительного массового перевода рабочих на землю, но также и сторонником раскола Германии. Извращённо освещая историю образования государственного и национального единства немецкого народа, он утверждает, будто это единство и является движущей силой немецкой агрессии. «С двумя Германиями, — заявляет Моргентау, — будет легче иметь дело, чем с одной... ибо по странной внешнеполитической арифметике две половины неравны целому. Они равняются значительно меньшему». Опыт истории послевоенных лет показал всю лживость этой политической арифметики. Он свидетельствует о том, что раскол Германии, учинённый во имя осуществления агрессивных целей Уолл-стрита, не только не уменьшает, а многократно усиливает военную опасность в Европе. Только единство немецкого народа на основе мирного демократического развития, как это было предусмотрено решениями Потсдамской конференции, может обеспечить мир в Европе и содействовать его укреплению во всём мире.

Аналогичную программу выдвигал в годы второй мировой войны лорд Ванситтарт. Будучи в предвоенные годы постоянным заместителем министра иностранных дел Англии, а также дипломатическим советником

кабинета, Ванситтарт играл крупную роль в формировании внешней политики английского империализма. Ванситтарт развернул свою историческую концепцию в нескольких книгах¹⁰ и в ряде статей. Столь же реакционную, сколь и утопическую, идею уничтожения немецкой нации и её государственности Ванситтарт облекает в парадоксы сомнительного свойства. Он изрекает, например: «Всякая история теряет своё значение после того, как нации перерастают её. Германская история сохраняет своё значение, ибо немцы стали хуже». Быть может, это должно означать, что в истории Германии милитаризм играл исключительно крупную роль? Но какие социальные силы являются носителями агрессивного милитаризма? Кто заинтересован в поддержании и укреплении этих сил? Наконец, на какой почве мог вырасти германский милитаризм до столь опасных размеров? На эти вопросы Ванситтарт даёт следующий ответ: «Капитализм может быть причиной других зол, но не этого зла. Социализм, может быть, поможет против других зол, но не против этого зла. В данном случае виновником является определённая вещь — нация».

Выдвигая этот тезис, Ванситтарт стремится, во-первых, реабилитировать господствующие классы империалистической Германии, носителей милитаризма, юнкерство и монополистов; во-вторых, дискредитировать социализм, в победе которого народы усматривают гарантию своего процветания и мирного развития; в-третьих, оклеветать немецкий народ, обвиняя его в том, будто бы именно он развязывает войны в целях закабаления других народов. Ванситтарт утверждает, что было бы напрасно искать причины первой и второй мировых войн «в той или иной экономической системе». Эти причины, оказывается, следует искать... «в тиранических устремлениях германской души». Ванситтарт клеветнически утверждает, будто социалистическое движение в Германии с момента своего возникновения было движением... милитаристским. Выдвигая этот чудовищный тезис, он вовсе не имел в виду деятельность правых социал-демократических лидеров типа Шейдемана и Носке. Нет, он имеет в виду великих сынов немецкого народа Энгельса и Бебеля. Легко представить, к каким гнусным фальсификациям исторических документов ему приходится прибегать в обоснование своих лживых измышлений.

Опасаясь, что после разгрома гитлеровской военной машины Советской Армией немецкий народ станет на широкий путь национального демократического развития, Ванситтарт призывал не к уничтожению германского империализма, а к закабалению немецкого народа, к уничтожению единого германского государства, к установлению длительной англо-американской оккупации Германии. Продолжая эту линию в новых условиях, этот глашатай идей беспощадной расправы с немецким народом, пытавшийся исторически обосновать тождество гитлеризма и его жертвы — немецкого народа, сегодня провозглашает: «Наша единственная надежда — Аденауэр»¹¹.

III

Вскоре после окончания второй мировой войны в изменившейся политической обстановке в старых «мотивах» реакционной историографии появились новые вариации. Англо-американские империалисты отбросили планы полного уничтожения германской промышленности и искусственной аграризации страны. Это объясняется тем, что в новых условиях, сложившихся в Европе в результате всемирно-исторической победы Советского Союза, создания мощного лагеря мира, демократии и социализма и роста демократических сил в самой Германии, западные державы осуществили раскол Германии и стали восстанавливать и укреплять в подвластной им западной части страны немецкие монополии, милитаризм и реакцию. Растоптав решения Потсдамской конференции о создании

¹⁰ R. G. Vansittart. *Lessons of my Life*. London. 1944; *Bones of contention*. New York. 1945. *Events and Shadows. A policy for the remnants of a century*. London. 1947.

¹¹ «Daily Sketch», 1 сентября 1953 года.

единой, независимой, миролюбивой, демократической Германии, деятели Уолл-стрита и Сити взяли курс на восстановление и усиление военного потенциала в Западной Германии и на её превращение в свой военный плацдарм и арсенал.

Прежние концепции исторических судеб Германии были видоизменены применительно к новым политическим задачам, причём этим приспособлением занялись многие видные дельцы с Уолл-стрита. Руководители и представители американских монополий, побывав в Европе, в частности в Западной Германии, опубликовали плоды своих «исследований» и размышлений о целях и методах экспансии американского империализма, об историческом развитии тех стран, которые Уолл-стрит стремится полностью подчинить своему господству.

Так, Люис Броун, председатель акционерного общества «Джонс Мэввилл», побывав после войны в Западной Германии, опубликовал «Доклад о Германии»¹², выводы которого тщательно изучались на Уолл-стрите, в государственном департаменте и Пентагоне. Люис Броун начал с анализа «предпосылок современного положения». Погрузившись в дебри истории, он с непревзойдённым цинизмом заявил, что и в этих вопросах выступает как бизнесмен. «Я подхожу к этой проблеме, — пишет Люис Броун, — как к попытке промышленника проанализировать состояние обанкротившейся компании и определить простейшие принципы, вытекающие из здравого смысла, принципы, необходимые для того, чтобы... компания как можно скорее снова начала давать прибыль». Обуреваемый столь «благородным» порывом, Люис Броун в специальном разделе, посвящённом историческому развитию Германии, разъясняет своим читателям историю банкротства этой «компании»: он заявляет, что прежде, чем лечить больного, нужно знать историю его болезни.

Согласно этой «истории», в Германии уже были времена, аналогичные тем, которые наступили после разгрома гитлеровской военной машины. То были времена Тридцатилетней войны (1618—1648). Чтобы оправдать немецких империалистов, Люис Броун заявляет, что после этой войны немецкий народ проникся милитаристскими чувствами и был «готов заплатить любой ценой за мощную армию».

Выступая в роли историка, американский бизнесмен воскрешает легенду о том, что милитаризм является давно сложившейся отличительной чертой немецкого народа. Люис Броун пытается доказать, что господствующие классы Германии — юнкерство и магнаты капитала — никак не повинны в возникновении первой и второй мировых войн. Кто же повинен? По мнению Люиса Бруна, прежде всего страх, который стал одолевать Францию под впечатлением роста численности немецкого населения в конце XIX и в начале XX века, когда в Германии стала развиваться современная промышленность. Под влиянием этого страха Франция поспешила заключить союз с Россией, что «в свою очередь привело к созданию Тройственного союза — Германии, Австро-Венгрии и Италии». Поскольку даже школьнику известно, что заключение союза между Францией и Россией (в 1891—1893 гг.) не могло привести к заключению Тройственного союза в 1882 г., а, наоборот, само являлось ответом на последнее, трудно усмотреть в этом утверждении фальсификацию исторических фактов: перед нами один из примеров невежества автора. Зато грубой фальсификацией истории является утверждение Бруна, что первую мировую войну вызвали не противоречия между германским и английским империализмом, а только конфликт между Россией и Германией, который в силу непонятных причин «должен был распространиться и на Запад». Люис Броун явно сожалеет об этом обстоятельстве: насколько было бы лучше, а главное, прибыльнее, если бы только Германия и Россия истощали друг друга в бесконечной кровавой бойне!

¹² L. H. Brown. A Report on Germany. New York. 1947.

С помощью таких же фальсификаций Люис Броун стремится реабилитировать действия германских милитаристов в годы второй мировой войны. С этой целью он утверждает, будто Гитлер опирался не на монополистов и юнкеров-милитаристов, а на немецкий народ. Люис Броун утверждает, что именно они (монополисты и юнкеры), «послужив своего рода лестницей», поддерживали Гитлера и рассчитывали использовать его «в своих интересах», но, «придя к власти, Гитлер быстро отбросил лестницу в сторону». Отсюда делается вывод: «традиционные милитаристы феодального происхождения и промышленники новейшего происхождения давно, уже при кайзере, заключившие между собой союз», в период второй мировой войны играли роль невинных агнцев, которых Гитлер обрёл на заклание. Люис Броун поднимает своих германских компаньонов на высокий исторический пьедестал. Утверждая, что германские монополисты «обладают мозгами и квалификацией», он усматривает в этом достаточное основание, чтобы присвоить им «к числу величайших человеческих активов Германии» и обосновать их право на господство в Германии.

Ещё выше возносит Люис Броун американских империалистов. Самым грубым образом фальсифицируя историю, он придисциплинирует им, и только им, военную победу над Гитлером и его армией. Замалчивая великую историческую роль Советской Армии, выполнившей героическую миссию освобождения европейских народов от ига немецко-фашистской тирании, он изображает дело так, будто Берлин пал «перед грандиозной мощью американских моторизованных колонн». Таковы геркулесовы столпы американского фальсификатора истории. Люис Броун призывает «усвоить уроки истории» и вернуться к временам Тридцатилетней войны, когда, согласно его версии, немецкий народ начал усматривать своё спасение в милитаризме. Правда, Люис Броун вынужден признать, что немецкий народ не хочет быть вовлечён в третью мировую войну, поставлять ландскнехтов для американских империалистов и участвовать в новой агрессии против Советского Союза.

Как историк Люис Броун усматривает в этих настроениях немецкого народа привнесённый «комплекс безнадежности»; как бизнесмен, занимающийся социальной медициной в интересах получения прибылей, он предлагает чисто американский рецепт излечения немецкого народа от мирных настроений. «Лечение требует, — пишет он, — сочетания средств, основанных на реалистическом понимании характера больного, — открытия двери надежды и крепкого пинка, чтобы заставить его войти в неё». Коротко и ясно!

Люис Броун пытается доказать, будто дальнейшее историческое развитие немецкого народа возможно лишь при условии установления над ним власти немецких квислингов из числа монополистов и милитаристов, «назначенных дядей Сэмом». Он вынужден признать, что в арсенале агрессивного американского империализма нет идей, которые могли бы привлечь на его сторону «души народов». Поэтому, апеллируя к урокам прошлого, Люис Броун утверждает, что немецкий народ можно заставить «принимать приказы, в особенности если позади будет кулак правительства», сфабрикованного американскими военными властями в Западной Германии. Обосновывая целесообразность агрессивных целей и кулачных методов американской политики в Германии, Люис Броун пишет: «Я не надеюсь, что со мной согласятся враги американского образа жизни». Это — единственное утверждение в «исследовании» Люиса Броуна, которое не нуждается в опровержении. Свидетельством тому является борьба немецкого народа за создание единой, демократической, миролюбивой Германии.

IV

Если бросить ретроспективный взгляд на развитие современной американской и английской историографии реакционного направления по

новой и новейшей истории Германии, то будет нетрудно отметить, что в центре внимания стоит главным образом одна тема — апология германского генералитета и в особенности германского генерального штаба. При ближайшем рассмотрении оказывается, что внимание к этой теме, даже взятой в историческом аспекте, объясняется мотивами сугубо практического свойства. Американский журнал «United States News and World Report» (10 февраля 1950 г.) раскрыл эти мотивы в следующих словах: «США подвергают испытанию идею германского генерального штаба». Казалось бы, опыт первой, а тем более второй мировой войны с полной ясностью обнаружил, что эта «идея», как и вся система германского милитаризма и военной идеологии, не выдержала серьёзных исторических испытаний и полностью обанкротилась.

Советская Армия развеяла миф о непобедимости германской армии, растоптала ореол, который в течение десятилетий искусственно создавался вокруг немецкого генерального штаба. Что касается морально-политической оценки деятельности германского генерального штаба, сосредоточившего в себе наиболее типичные разбойничьи черты и повадки агрессивного прусско-германского милитаризма, то она была дана в особом мнении члена международного трибунала от Советского Союза на цюрнбергском процессе гитлеровских военных преступников. На основании всей совокупности исторических документов он доказал, что германский генеральный штаб являлся преступной организацией, подлежащей уничтожению. Однако представители западных держав в трибунале встали на путь реабилитации германской военщины.

Более того, с тех пор, как новые претенденты на мировое господство взяли открытый курс на возрождение германских вооружённых сил, некоторые представители реакционной историографии в США, а также в Англии стали разрабатывать вопрос о том, в какой мере опыт германского генерального штаба может быть использован в новой мировой войне. Это связано с вопросом о реорганизации генерального штаба США и всей системы американского милитаризма по образу и подобию германского. Проект такой реорганизации по предложению военных кругов США разработал бывший гитлеровский генерал Гудериан. Журнал «United States News and World Report» сообщал, что «в основу плана Гудериана положена централизация власти в руках кадровых военных. Между военными и президентом не должно быть промежуточных гражданских властей». Этот план предполагает установление в США открытой военной диктатуры, утверждение крайней реакции и развязывание агрессивной войны. Такковы, оказывается, результаты «испытания идеи германского генерального штаба».

Реакционная американская и английская историография прилагает усилия к реабилитации германского милитаризма в двух направлениях: во-первых, она стремится снять с него ответственность за гнусные военные преступления и, во-вторых, пытается показать, что германский генералитет, в частности генеральный штаб, не может нести ответственность за военный разгром Германии. Широкая кампания в пользу военных преступников уже давно ведётся не только в западногерманской, но и в американской и английской публицистике и историографии. Американская историография откровенно и цинично возвеличивает не только германских милитаристов и генеральный штаб, но и самого Гитлера. Наиболее показательна в этом отношении статья Тровара Ройера «Переоценка Гитлера спустя десять лет» («New York Times Magazine», 4 сентября 1949 г.). Автор, профессор истории, опирается на такие «исторические источники», как «Майн Кампф», переписка Гитлера с Муссолини, дневники Геббельса, записки фашиста Раушнинга и другие аналогичные материалы. Не удивительно, что, приправ к «источникам» столь мутного свойства, Тровар Ройер «переоценивает» Гитлера в духе воспроизведения самых худших образцов геббельсовской пропаганды.

Уже во время второй мировой войны американская историография предприняла бесславную попытку обосновать тезис, будто бы германский генеральный штаб представлял собою корпорацию крупнейших военных специалистов, но отнюдь не преступников. Этому были посвящены книги и статьи Симсона, Гирла и др. Ныне эту фальсификаторскую работу продолжает не только американская, но и английская историография. Так, английский военный историк и теоретик генерал Фуллер в своей книге «Вторая мировая война»¹³ утверждает буквально следующее: «Идея, лежавшая в основе гитлеровского стратегического плана, была правильной. Однако уже в ходе осуществления этого плана совершалась одна грубая ошибка за другой». Говоря об «ошибках» Гитлера, Фуллер стремится оправдать агрессию гитлеровского империализма и его войну против СССР и всячески преуменьшить решающую роль Советской Армии в разгроме гитлеровской военной машины.

В том же духе выступает и известный английский военный историк и публицист Лиддель Гарт. Советский читатель знает его книгу «Правда о войне»¹⁴, в которой крупницы истины о первой мировой войне тонут в сетях тонко преподанной лжи. Однако в реакционных кругах капиталистических стран авторитет Лидделя Гарта как известного историка и идеолога стоит довольно высоко. Ныне Лиддель Гарт выступает в качестве идейного союзника гитлеровского генералитета. Доказательством тому является его нашумевшая книга «По ту сторону холма»¹⁵. Основными источниками книги Лиддель Гарта послужили фальсифицированные материалы верхушки реакционного генералитета германского империализма. Сект и Бломберг, Фрич и Браухич, Гальдер и Клюге, Гудериан и Рунштедт, Манштейн и Роммель — все представлены здесь.

Лиддель Гарт утверждает, что по сравнению с временами кайзеровского режима роль германского генерального штаба существенно изменилась; этот штаб якобы не пользовался большим влиянием при Гитлере и был «скорее склонен тормозить агрессивные планы Гитлера, чем стимулировать их». Так Лиддель Гарт приобщает германскую военщину к лику святых миротворцев. С другой стороны, стремясь снять с неё ответственность также и за военные преступления, Лиддель Гарт далее утверждает, будто «в общем германская армия на фронте соблюдала правила войны лучше, чем в 1914—1918 гг.». Поскольку это утверждение стоит в вопиющем противоречии с общеизвестными фактами, Лиддель Гарт осторожно оговаривает, что он имеет в виду военные действия «против западных союзников». Таким образом, чудовищные преступления гитлеровских захватчиков, совершённые против народов СССР, Польши и Чехословакии, а также народов стран Западной Европы, он считает возможным сбросить со счетов истории. Зато к первостепенным историческим факторам Лиддель Гарт относит организаторскую деятельность германского генерального штаба и профессиональную выучку гитлеровского генералитета. Он утверждает, что германские генералы во второй мировой войне как организаторы «действовали с математическим расчетом», «являлись лучшими представителями своей профессии».

После столь выпяченных оценок германского генерального штаба и всего гитлеровского генералитета, естественно, возникает вопрос: чем же объясняется военный разгром гитлеровской Германии? Где заложены корни всемирно-исторической победы Советского Союза? Лиддель Гарт просто лжёт, утверждая, будто «причина спасения России заключалась

¹³ J. F. C. Fuller. The second world War. 1939—1945. London. 1948.

¹⁴ В. Н. Liddel Hart. The real War 1914—1918. London. 1930; Лиддель Гарт. Правда о войне. Перевод с англ. М. 1935.

¹⁵ В. Н. Liddel Hart. The other side of the hill. Germany's generals, their rise and fall, with their own account of military events 1939—1945. London. 1948. Одновременно книга вышла и в США, а в 1950 г. и в Западной Германии в переводе бывшего гитлеровского генерала и пропагандиста Дитмара.

прежде всего не в современном прогрессе, а в её отсталости». Ссылаясь на реляции Клейста и других битых гитлеровских генералов, он повторяет смежотворную версию, будто советский народ был спасён... морозами и непроходимостью дорог. Причины военного разгрома гитлеровской Германии Лиддель Гарт усматривает в психологической ситуации, сложившейся «по ту сторону холма», а именно во взаимоотношениях и расхождении между «стратегической интуицией» Гитлера и «школой» генерального штаба.

Выводы, которые можно сделать из «исследований» Лиддель Гарта, напрашиваются сами собой: Лиддель Гарт хочет воскресить тезис о непобедимости германской армии при условии, если её генералитет, обнаружив «более глубокое понимание», ограничится выполнением своих профессиональных функций под руководством тех сил, которые собираются осуществлять «военную политику» и «большую стратегию» в мировых масштабах. Ясно, что исторические выводы подобного рода продиктованы широкими политическими планами, предусматривающими восстановление германского милитаризма и его использование в интересах агрессивного Атлантического блока.

V

Нет сомнения, что усилия современной англо-американской историографии реакционного направления по реабилитации германского империализма, милитаризма и фашизма способствуют возрождению реакционной, милитаристской и реваншистской идеологии в Западной Германии. Факты таковы: уже вскоре после разгрома гитлеровской Германии реакционные монополистические и милитаристские круги, сосредоточившиеся под прикрытием англо-американских оккупантов в Западной Германии, занялись при их поддержке исторической и политической самореабилитацией. В области историографии это проходило сначала под флагом «переоценки ценностей», осмысления заново исторических судеб Германии, которая на протяжении жизни одного поколения пришла от одного военного разгрома ко второму, ещё более катастрофическому. Заинтересованные круги в Западной Германии и их покровители в США и Англии стали на путь сознательной фальсификации истории и приспособления старых исторических легенд к новым политическим условиям и к новым агрессивным империалистическим целям.

Реакционная германская историография имеет в этом отношении огромный опыт. Ещё в период подготовки первой мировой войны в буржуазных и юнкерских кругах большим успехом пользовался труд графа Ревентлова¹⁶, стремившегося доказать, что с первых же шагов своей «мировой политики» Германия обнаружила неумение подкрепить эту политику более мощными средствами борьбы — крупной армией и большим военно-морским флотом. То был призыв к осуществлению ещё более агрессивного курса в «мировой политике», чем курс кайзеровского правительства. Не удивительно поэтому, что Ревентлов, типичный представитель германской историографии, впоследствии вступил в гитлеровскую партию.

После первой мировой войны германская историография создала несколько легенд, которые были использованы как идеологическое оружие реваншистской пропаганды и политической подготовки новой войны. Одна из этих легенд гласила, будто в мировой войне 1914—1918 гг. германская империя не потерпела военного поражения: она была вынуждена капитулировать якобы потому, что в результате революционных событий в ноябре 1918 г. германская армия получила «удар ножом в спину». Так реакционная германская историография стремилась обосновать миф о пресловутой непобедимости германской армии. Она возлагала ответственность за

¹⁶ E. Reventlow. Deutschlands auswärtige Politik. Berlin. 1913.

поражение на немецкий народ, в первую очередь на немецкий рабочий класс, ставший на путь революционных действий. Впоследствии легенда об «ударе ножом в спину» вошла в идеологический арсенал немецкого фашизма и была использована против рабочего класса и коммунистической партии.

Вторая историческая легенда, созданная в те времена, гласила, будто военные победы германской армии не были реализованы ввиду ошибок, допущенных правительством в политике и дипломатии: имелось якобы расхождение между победоносной стратегией верховного командования и генерального штаба и политикой и дипломатией правительственных кругов, допустивших ряд просчётов. Так была создана легенда о «войне упущенных возможностей». Она должна была исторически обосновать стремление наиболее агрессивных кругов германского империализма к сосредоточению всей полноты политической и военной власти в форме фашистской диктатуры для обеспечения выигрыша новой войны и утверждения мирового господства империалистической Германии.

Главные усилия германской реакционной историографии были направлены к обоснованию националистическо-реваншистской версии о «виновниках войны». Известно, что западные империалистические державы, навязав Германии грабительский Версальский договор, возложили на неё одностороннюю ответственность за развязывание мировой войны в 1914 году. Тем самым они пытались перед лицом народов снять с себя ответственность за войну. Тезис об односторонней ответственности Германии должен был служить моральным оправданием систематического грабежа немецкого народа путём репараций. Реакционная германская историография стремилась опровергнуть этот тезис, чтобы идеологически обосновать реваншизм и подготовку новой агрессии. Специально созданное «Центральное бюро по изучению вопроса о виновниках войны», в котором руководящую роль играли представители военщины (полковник Вегерер, полковник Швертфегер и др.¹⁷), являлось своего рода генеральным штабом реакционной германской пропаганды по этому вопросу.

В дальнейшем в соответствии с общим ходом восстановления германского империализма и милитаризма, а также военной, политической и идеологической подготовкой новой агрессивной войны немецкая реакционная историография, меняя свою тактику, выдвигала одну версию за другой. На первых порах она пыталась доказать, что германское правительство было повинно в возникновении первой мировой войны не в большей степени, чем были повинны в ней и правительства других европейских держав. Эта версия нашла частичную поддержку американской историографии, поскольку она устраняла вопрос о роли американского империализма. Затем стала пропагандироваться версия, согласно которой германский империализм вообще якобы неповинен в возникновении первой мировой войны. Реакционные круги монополистического капитала в США и в Англии стали тогда на путь финансирования и активной поддержки возрождавшегося германского империализма и милитаризма. Не удивительно, что в таких условиях попытки реабилитации империалистических кругов Германии получили поддержку английской и американской историографии. А это, в свою очередь, привело к возрождению старой исторической версии о том, что Германия была вынуждена взяться за оружие якобы лишь в целях предотвращения пагубных для неё последствий

¹⁷ Перу этих и других авторов принадлежит немало работ, в частности: А. Wegeger. Die Widerlegung der Versailler Kriegsschuldthese. Berlin. 1928; егo же. Wie es zum Grossen Kriege kam. Berlin. 1930; егo же. Im Kampf gegen die Kriegsschuldfrage. Berlin. 1936; егo же. Der Ausbruch des Weltkrieges 1914. Bd. I—II. Hamburg. 1939; B. Schwertfeger. Deutschlands Schuld am Weltkriege. Berlin. 1921; егo же. Der Fehlspruch von Versailles. Berlin. 1921; егo же. Der geistige Kampf um die Verletzung der belgischen Neutralität 1919; егo же. Im Kampf gegen die Kriegsschuldfrage. Berlin. 1936; Graf Max von Montgelas. Leitfatden zur Kriegsschuldfrage. Berlin—Leipzig. 1923.

политики «окружения Германии», главная ответственность за которую возлагалась на английский империализм.

Со своей стороны, английская и американская историография в период между первой и второй мировыми войнами выдвигала на первый план другую историческую версию — о постоянном стремлении правящих кругов Англии и США устранить противоречия и разногласия с Германией по главным вопросам мировой политики. В этом нашла своё отражение политика английского и американского империализма, направленная к сговору с Германией в целях «канализации» её агрессии на Восток — против Советского Союза. Таким образом, дискуссия о «виновниках войны» вступила в стадию, когда правящие круги Германии, Англии и США достигли своего рода компромисса на основе взаимной амнистии и реабилитации. Характерно, что в это время была выдвинута новая историческая легенда, которая объявляла главным виновником первой мировой войны Россию, а также славянские народы на Балканах и в Австро-Венгрии, поднявшиеся на национально-освободительную борьбу. Эта легенда получила широкую поддержку английской и американской историографии¹⁸.

Интересно отметить, что после того как гитлеровский империализм вступил в войну против западных держав (1939), немецкая историография не замедлила сбросить с себя маску: она провозгласила заявила, что рассматривает вторую мировую войну как прямое историческое продолжение первой.

Итак, германская историография реакционного, националистического направления выполняла задачи, продиктованные политикой реванша и агрессии, и если эти задачи соответствовали интересам английского и американского империализма, то даже самые фальсификаторские измышления в области истории получали поддержку. Вот почему после второй мировой войны, когда Западная Германия превратилась в вотчину англо-американского империализма, попытка реакционной немецкой историографии реабилитировать германских монополистов и милитаристов встретила в США и в Англии ещё более энергичную поддержку, чем это было после первой мировой войны. В интересах агрессивной политики американского империализма в Европе началась гальванизация старых и фабрикация новых исторических легенд.

Знаменательно, что старая дискуссия о виновности Германии в войне и о её ответственности за военные преступления в новых условиях не продолжается. Вильям Эбенштейн на страницах «Annals of the American Academy of Political and Social sciences» (1949) даёт этому факту довольно откровенное объяснение. Он пишет: «Обсуждение виновности Германии в преступлениях... утратило своё практическое значение. Русский вопрос настояще овладел нашими мыслями, что проблемы, связанные с прошлыми войнами, не считаются достаточно важными, чтобы отвлекать наше внимание от единственной основной проблемы». Возглавив идеологическую подготовку войны против Советского Союза, американская империалистическая пропаганда и её составная часть — историография, — отбрасывая в сторону вопрос об исторической ответственности германского империализма за развязывание второй мировой войны, ищет исторические мотивы политической амнистии и реабилитации немецко-фашистских военных преступников. При этом она охотно опирается на апологетические трактаты идеологов германской реакции. Так, один из этих идеологов, Карл Ясперс, в книге «Вопрос о виновности»¹⁹ поспешил предложить миру четыре абстрактные категории виновности: уголовную,

¹⁸ Например, G. P. Gooch, *Studies in Modern History*. Cambridge. 1931; S. B. Fay, *The Origins of the World War*. Vols. I—II. New York. 1932. Имеется русский перевод: С. Фей. Происхождение мировой войны. Т. I с предисловием А. Попова. М. 1934; т. II с предисловием А. Ерусалимского. М. 1935.

¹⁹ Karl Jaspers. *Die Schuldfrage*. Ein Beitrag zur deutschen Frage. Zürich. 1946.

политическую, моральную и метафизическую. Применив эти категории к исторической действительности второй мировой войны, Ясперс утверждает, что даже вопрос о метафизической вине не может быть поставлен в Германии в отношении определённых лиц или круга лиц.

В книге Ясперса имеются и другие рассуждения, которые весьма импонируют американским империалистам. Таковы его утверждения об отсутствии в истории немецкого народа традиций национально-освободительной борьбы. Этот вопрос является для американского империализма весьма актуальным, поскольку он не может не опасаться, что его политика раскола Германии и её закабаления будет сорвана немецким народом. Вот почему, откликаясь на рассуждения Ясперса, «Annals of the American Academy of Political and Social sciences» приходят к следующему заключению: «Германия (помимо Японии) — единственная страна, которая никогда не знала революционного движения народно-освободительного характера». Так просто и легко устраняются из новой истории Германии национально-освободительная борьба немецкого народа в период наполеоновского владычества, устраняется революция 1848 г. и её демократические, освободительные традиции, устраняется революционная борьба немецкого пролетариата в период захвата Рура иностранными оккупантами. Однако в этих лживых утверждениях, правящие круги финансового капитала США черпают аргументы в пользу дальнейшего осуществления реакционного курса в Западной Германии, угрожающего самым жизненным интересам немецкого народа. Следует ли удивляться, что книга Ясперса, переведённая на английский язык, привлекла к себе внимание реакционной американской и английской публицистики.

Большое внимание встретила в США и реакционная концепция Фридриха Мейнеке, книга которого «Германская катастрофа»²⁰ была переведена на английский язык американским апологетом германского империализма в историографии Сиднеем Феем. Издав свою книгу в Западной Германии вскоре после окончания войны, Ф. Мейнеке на основании исторического опыта двух мировых войн пришёл к следующему горестному для себя выводу: «Стремление стать мировой державой оказалось для нас ложным кумиром». Признав обречённость попыток германского империализма установить мировое господство, Мейнеке не отрицает исторической правомерности установления гегемонии США в Европе и даже в самой Германии. Он пытается привязать исторические судьбы Германии к колеснице американского империализма, не останавливаясь перед попыткой оправдать раскол Германии. Насилуя факты истории Германии применительно к своей политической схеме, Мейнеке пытается доказать, что не немецкий народ, а только Бисмарк стремился к объединению Германии. Выступая против нынешней борьбы германского народа за объединение Германии в единое демократическое государство, Мейнеке стремится обосновать необходимость пойти назад, к «Германии периода Гёте», когда страна была раздроблена, а её правители, государи отдельных немецких земель, служили поставщиками ландскнехтов иностранным государствам. Расписывая прелести культурной жизни немецких дворов тех времён, Мейнеке пишет: «Последуем же их примеру. Мы можем вернуть себе силу лишь в качестве члена будущей федерации, добровольно созданной из государств Центральной и Западной Европы».

Таким образом, выдвигая космополитическую идею создания «Соединённых Штатов Европы» с участием Западной Германии под эгидой американского империализма, Мейнеке под видом борьбы против Бисмарка пытается обосновать тезис, глубоко враждебный прогрессивным историческим традициям немецкого народа. Апеллируя к идее «европейской общности», Мейнеке пытается доказать, что немецкий народ сможет избе-

²⁰ Friedrich Meinecke. Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen. 3. Auflage. Wiesbaden. 1947.

жать новой катастрофы, если откажется от борьбы за свои национальные интересы. Эта предательская, космополитическая концепция получила горячую поддержку американской реакционной прессы. Превознося эту концепцию как попытку пересмотреть уроки истории Германии в интересах американского империализма, газета «New York Herald Tribune» (от 29 января 1950 г.) утверждает, что возрождение гитлеризма не представляет опасности. «Надо надеяться,— заключает она,— что немецкая молодежь, воспитанная в мрачной атмосфере поражения 1945 г., вернется, как, повидимому, ожидает Мейнеке, к старым германским традициям», то есть к тем временам, когда можно было её использовать как пушечное мясо в интересах иностранных держав.

Итак, не вопрос о виновниках войны и военных преступлений, а вопрос о том, кто несёт ответственность за военный разгром и катастрофу гитлеровского государства,— вот что прежде всего занимает немецкую реакционную историографию. После войны в Западной Германии появилось немало работ, в которых делаются попытки осветить исторические корни «германской катастрофы». Познавательная и научная ценность этих работ с точки зрения фактической и документальной близка к нулю, но политические взгляды и тенденции, которые находят в них своё отражение, симптоматичны.

В этом отношении показательна книга Людвиг Гейльбрунна «Кайзеровская империя, республика и нацистское господство», в которой он стремится исторически обосновать политику, направленную против потсдамских решений о создании единой, миролюбивой, демократической Германии. С этой целью выдвигается тезис о том, что фашистское господство Гитлера является результатом длительного исторического развития Германии. «Ответственность,— пишет Гейльбрунн,— восходит к прошлому, ко времени Бисмарка»²¹. Ещё более откровенно выступает Эд. Геммерле, требующий решительной «ревизии общей исторической картины» для осознания причин и результатов «не только политической и военной, но также и духовной катастрофы»²². Он утверждает, что эта «катастрофа» объясняется не ошибками Гитлера и его сподвижников, а общим духовным развитием Германии, начиная со времени образования Германской империи.

Так на первый план вновь выдвинулся вопрос о роли Бисмарка в истории Германии и вновь развернулась дискуссия о том, являлся ли Бисмарк сторонником политики завоеваний или он никогда не помышлял о завоеваниях, считая Германию «насыщенной». Нетрудно видеть, какова политическая подоплёка этой дискуссии. Во-первых, уводя от вопроса о кровавой диктатуре Гитлера, немецкая реакционная историография, по сути дела, выгораживает её; во-вторых, выступая, по видимости, против Бисмарка — этого кумира буржуазно-юнкерской реакции,— она пытается очернить идею национального и государственного единства Германии, которая принадлежит народу, выражает объективные потребности исторического развития немецкой нации. Провозглашённая демократическими силами, эта исторически-прогрессивная идея отвечает интересам не только немецкого, но и всех свободолюбивых народов. Между тем современная немецкая историография реакционного направления свою главную задачу усматривает в оправдании политического курса на раздробление и федерализм во внутреннем устройстве Германии, на включение Западной Германии в реваншистских целях в западный блок империалистических держав, в систему агрессивного Атлантического пакта.

²¹ Ludwig Heilbrunn. Kaiserreich, Republik, Naziherrschaft. Ein Rückblick auf die deutsche Politik. 1870—1945. Hamburg. 1947. См. также Albert Hegeler. Die deutsche Tragödie und ihre geschichtliche Ursachen. 1947.

²² E. d. Hemmerle. Deutsche Geschichte von Bismarcks Entlassung bis zum Ende Hitlers. München. 1948.

Историческая «концепция» Геммерле в этом довольно показательна: под видом «антибисмаркизма» Геммерле выступает, по сути дела, против идей объединения Германии, в пользу насаждаемого англо-американскими оккупантами принципа «федерализма»; под видом «антинационализма» Геммерле откровенно проповедует ориентацию на «космополитический мир западной культуры, с которым Германия должна чувствовать единство принципов»; наконец, под видом «антиматериализма» он проповедует поход против экономических и политических идеалов прогрессивных кругов немецкого народа, прежде всего немецкого пролетариата. Эту историческую «концепцию» Геммерле пытается обосновать сугубо реакционной идеей необходимости религиозного возрождения.

Так, окончательно выродившись, реакционная немецкая историография превратилась в политический рупор реваншизма и антинациональной политики западногерманских монополий, находящихся под покровительством Уолл-стрита и Пентагона. В последние годы она уже откровенно включилась в кампанию за восстановление милитаризма и подняла на шит даже самые отвратительные фигуры гитлеровского режима. Насколько далеко она зашла по этому пути, можно заключить из попыток реабилитации, например, такой фигуры, как адмирал Канарис. Этот военный преступник, руководитель гитлеровской разведки, превозносится как «солдат и патриот»; поскольку же он одновременно был связан с английской и американской разведками, он аттестуется как «человек с международно-политическими взглядами» и даже как «религиозно настроенный борец против Гитлера»²³.

В последнее время в Западной Германии, как и в США, на авансцену реакционной историографии выступили сами магнаты финансового капитала и представители военщины. Не только в «федеральной республике», но и в США и в Англии появляются их квазиисторические трактаты и мемуары, которые, по торгошескому выражению английской газеты «Daily Mail» (2 июня 1949 г.), «расхватываются, как горячие пирожки». Правда, эти пирожки испечены из более чем недоброкачественного исторического материала и начинены ядом реваншистских, агрессивных и фашистских идей. Но именно поэтому реакционная пресса в Англии и США и рекламирует эту вредоносную историческую макулатуру.

Среди новоявленных авторов, взявших на себя «труд» пересмотреть историю Германии, находится и гитлеровский военный преступник Ялмар Шахт. Буржуазная историческая мемуаристика уже давно и справедливо заслужила репутацию самого беззастенчивого апологета циничных, грязных и кровавых дел, виновники которых пользуются ею для того, чтобы выступать в качестве своих собственных лжесвидетелей, наёмных адвокатов и подкупных судей одновременно. Историко-политические упражнения Шахта являются в этом отношении одним из непревзойдённых образцов. Его книга «Расчёт с Гитлером»²⁴ представляет собой на деле наглую попытку свести счёты с прогрессивными, демократическими силами немецкого народа, возвеличить роль магнатов финансового капитала и исторически оправдать их курс на сговор с американским империализмом.

Сколько нужно наглости, чтобы, перевернув новейшую историю Германии с ног на голову, заявлять, будто всю полноту исторической ответственности за приход Гитлера к власти и установление в Германии фашистской диктатуры несёт немецкий народ, «и никто другой», и будто подлинным и единственным носителем демократии в Германии являлись и являются... немецкие монополисты и финансовый капитал! Каким нужно быть лжецом и демагогом, чтобы писать, что главной цитаделью демократии в Германии являлся... «Немецкий банк»! Какова должна быть уверенность в безнаказанности, чтобы утверждать, будто главным

²³ K. H. Abschagen. Canaris, Patriot und Weltbürger. Stuttgart. 1950.

²⁴ Hjalmar Schacht. Abrechnung mit Hitler. Hamburg — Stuttgart. 1948.

апостолом и защитником демократии выступал он сам, военный преступник Ялмар Шахт, который вошёл в состав гитлеровского правительства и действовал в нём якобы «сознательно в качестве его противника». Наконец, как глубоко нужно проникнуться иезуитизмом, чтобы утверждать, что, взяв на себя руководство финансированием гитлеровской военной машины, он на деле обеспечил условия, исключавшие возможность использования её в агрессивных целях. Шахт стремится подвести к выводу, что гитлеровская армия и гитлеровское государство рухнули не под сокрушительными ударами Советской Армии, а в большой степени в результате его личных усилий воспрепятствовать «склонности» гитлеровского правительства «к несправедливости и насильственным мерам».

Вспоминая старую дискуссию о виновниках первой мировой войны, Шахт пишет: «Сейчас речь не может идти о вине. Ее нельзя обсуждать, не обвиняя обе стороны». Настаивая на том, что новая историческая дискуссия о виновниках второй мировой войны может только уничтожить «чувство общности» между германскими и англо-американскими монополистами, он восклицает: «Я же хочу помочь примирению!..» Реакционная пресса в Англии и в США восприняла это намерение восторженно. Она начала превозносить Шахта как «немецкого Талейрана», что должно означать, повидимому, наивысшее историческое и политическое признание²⁵. Стремясь исторически обосновать заинтересованность западных держав в поддержании германского империализма и милитаризма, Шахт восстанавливает старую немецко-шовинистическую легенду, созданную идеологами Пангерманского союза, будто «после падения Рима Германия стала сердцем западной культуры», и, явно обращаясь к Уолл-стриту, вопрошает: «Может ли эта культура жить без сердца?» Заранее уверенный в поддержке, гитлеровский министр преподносит новую легенду, которой старается исторически оправдать стремление западногерманских монополистов заставить немецкий народ служить военным интересам американского империализма. Повторяя тезис немецко-фашистской пропаганды о том, что вторая мировая война является непосредственным продолжением первой мировой войны, Шахт пишет: «Немецкому народу уже пришлось однажды пережить катастрофу подобного размаха, когда Тридцатилетняя братоубийственная война бушевала на его земле. Когда кончилась резня, происходившая ровно 300 лет назад, Германия была так же опустошена, как сейчас». И, далее, не затрудняя себя подбором исторических доказательств, поскольку они не существуют в природе, Шахт столь же безапелляционно, сколь и лживо, утверждает, что немецкий народ воспрянул тогда, после Тридцатилетней войны, потому, что воспринял «духовное руководство не столько от Старого, сколько от Нового света». И Шахт рекомендует теперь немецкому народу идти по этому же пути.

«Расчёт с Гитлером», который производит Шахт, вызван тем, что Гитлер не сумел обеспечить осуществления экспансионистских планов магнатов германского капитала. Несмотря на поражение и даже ввиду поражения Германии во второй мировой войне, эти планы, утверждает Шахт, могут и должны быть осуществлены, ибо они якобы имеют глубокое историческое и экономическое обоснование. Захватнические планы германского империализма в Европе и в колониях Шахт легко оправдывает при помощи старой пангерманской и фашистской «теории» о том, что «германский народ перерос то жизненное пространство, которое было ему отведено историей». Шахт не скрывает, что фашистская концепция происхождения первой мировой войны нужна ему для оправдания реванша и развязывания мировой войны в третий раз. «Если,— пишет он,— и до 1914 г. было невозможно прокормить немецкое население за счет собственной земли, то сейчас это еще более невозможно». Он решительно выступает против демократической аграрной реформы, проведение кото-

²⁵ Anna B. Dodd. Talleyrand. The training of a statesman. New York. 1927.

рой, несомненно, подняло бы жизненный уровень трудящихся масс в Западной Германии. Главную историческую задачу германских монополистов он усматривает в поддержании крупного юнкерского землевладения и в том, чтобы готовиться к новой борьбе за «жизненное пространство», на сей раз совместно с западными империалистическими державами под эгидой США.

Такова программа новоявленного «немецкого Талейрана», который, выступая в роли историка и идеолога антигитлеровского толка, на деле является апологетом новой агрессии германского империализма. Шахт требует, чтобы историческая наука занялась реабилитацией германских монополистов, ибо, как он утверждает, «тот, кто по своей профессии имеет дело с деньгами, не может быть долго популярным». Поэтому он считает необходимым, чтобы в любом учебнике истории наряду с именами крупнейших представителей прусско-германского милитаризма стояли и имена директора «Deutsche Bank» Георга Сименса, директора банка «Disconto-Gesellschaft» Давида Ганземана и других виднейших вдохновителей германской империалистической агрессии, по стопам которых пошли Шахт, Крупп и Пфердменгес, ныне пользующиеся покровительством Уолл-стрита и Пентагона.

Не меньшей поддержкой со стороны англо-американского империализма пользуются и попытки реабилитации германского милитаризма.

Эти попытки предпринимаются как в исторических исследованиях, так и в историко-мемуарной литературе. Наиболее крупной является работа Вальтера Герлица «Германский генеральный штаб»²⁶, освещающая историю этого учреждения, игравшего столь крупную роль в подготовке и осуществлении всех агрессивных войн, которые на протяжении трёх веков (1657—1945) вела Пруссия, а затем опруссаченная и, наконец, гитлеризованная Германия. Герлиц в некоторых случаях вынужден констатировать объективные исторические факты. Так, он признаёт, что «Сталинградская битва в большой степени определила банкротство гитлеровской стратегии, основанной на иллюзиях и на престиже».

Однако Герлиц вовсе не собирается разоблачить деятельность генерального штаба. Наоборот, под прикрытием «объективных» оценок он явно стремится восстановить его престиж, пытается доказать, что разгром гитлеровской Германии будто бы не означал краха складывавшейся веками военной идеологии германского милитаризма и империализма. Он настойчиво пытается доказать, будто после установления гитлеровской диктатуры генеральный штаб был главным средоточием сил, боровшихся против войны, а прусско-германский генералитет, генеральный штаб и его стратегию он настойчиво стремится противопоставить Гитлеру, гитлеровской клике и гитлеровской стратегии. Основная цель Герлица — дискредитировать приговор Нюрнбергского суда над главными военными преступниками гитлеровской Германии. Провозглашая принципы «объективизма», выступая против превращения истории в обвинителя или судью, Герлиц на деле сам предстаёт в роли адвоката германской военщины, которая ныне открыто превратилась в ландскнехта Уолл-стрита и Пентагона.

Любопытно отметить, что в реакционных кругах Западной Германии, США и Англии книга Герлица получила в общем сдержанную оценку: её апологетические тенденции представляются этим кругам недостаточно резко выраженными и уже не соответствующими их откровенному курсу на полную реабилитацию германских милитаристов и пропаганды их целей в духе самого разнузданного реваншизма. Зато большим вниманием пользуется историко-мемуарная литература, созданная гитлеровской военщиной в духе уже известного нам «Расчёта с Гитлером». Особенный успех выпал на долю бывшего начальника гитлеровского генерального штаба генерал-полковника Гальдера, который ныне котируется как кан-

²⁶ Walter Görlich. Der Deutsche Generalstab. Frankfurt a/Main. 1951.

дидат на один из руководящих постов в генеральном штабе возрождаемых в Западной Германии вооружённых сил. Полностью обанкротившись во время войны на военном поприще, Гальдер ныне выступает в качестве историка²⁷. В предисловии к книге «Гитлер, как полководец» он утверждает, что его историческая концепция имеет целью подорвать репутацию Гитлера как военного стратега. На самом же деле Гальдер преследует другие цели — поднять репутацию свою собственную и всего гитлеровского генералитета.

Причину банкротства гитлеровской стратегии Гальдер видит в том, что Гитлер присвоил себе роль «полководца» — роль, исторически исчерпавшую себя, объективно несостоятельную и не соответствующую характеру современной войны. «Для «полководца», то есть для военачальника в прежнем смысле слова, — пишет Гальдер, — в современной войне нет больше места». Гальдер не скупится на крепкие слова, чтобы дискредитировать своего бывшего «фюрера». Он издевается над его трусостью и нерешительностью, разоблачает его безответственность и манию величия. Главное, что стремится доказать Гальдер, — это то, что банкротство стратегии Гитлера вовсе не означает банкротства стратегии германского генералитета. Основную и даже единственную причину разгрома гитлеровской Германии Гальдер усматривает в том, что Гитлер соединил в своих руках и политическую и военную власть и, таким образом, в решающие моменты мог выступать против доводов «военных специалистов», воплощающих весь опыт и разум германского генералитета, обосновывал свои планы соображениями высшей политики.

Однако из изложения самого Гальдера видно, что эти генеральские «доводы» мало чем отличались от гитлеровской «высшей политики». Гальдер оправдывает нападение гитлеровской армии на Советский Союз, обвиняя Гитлера только в том, что он плохо подготовил кампанию. Гальдер оправдывает попытки захватить Москву в 1941 г. и Сталинград в 1942 г., обвиняя Гитлера лишь в том, что он не сумел достигнуть этих целей, так как оставил без внимания «отчаянные призывы верховного командования армии к концентрации всех возможных резервов». Всячески обходя вопрос о роли военщины в подготовке гитлеровской агрессии, Гальдер пытается доказать, что главной причиной, определившей поражение гитлеровской Германии, являлось то, что генералитет не мог оказывать влияние на решение вопросов стратегии. При этом он обходит вопрос о том, какую роль в разгрома германской армии играли сокрушающие удары Советской Армии. Не сумев свести концы с концами, Гальдер апеллирует к... богу как к решающей силе, всегда находящейся на стороне германского генералитета. Так Гальдер в интересах реабилитации германского милитаризма совершает свой «расчёт с Гитлером».

Гальдер не одинок. Весь лагерь гитлеровского милитаризма, получив поддержку заокеанских покровителей, воспрянул духом, пришёл в движение и уже стал важным орудием американского империализма в подготовке новой агрессии. Взяв на себя задачу поставщика немецких ландскнехтов, германские милитаристы уже теперь выполняют также и роль поставщика милитаристских идей, которые агрессивные круги американского империализма широко используют в своих интересах. Западногерманская милитаристская литература на исторические темы получила широкое распространение и большое идеологическое влияние в США, а также в Великобритании.

VI

Было бы неправильно утверждать, что современная реакционная историография, главное направление которой разрабатывается или непосредственно вдохновляется крупными монополистами и их ближайшими

²⁷ Franz Halder. Hitler als Feldherr. München. 1948.

политическими ставленниками, занимаясь реабилитацией германского империализма и милитаризма, извращает только отдельные проблемы. Нет, она рассматривает вопросы истории Германии как составную часть более широкой исторической концепции, в свою очередь, подчинённой определённым политическим целям реакционного и агрессивного характера.

В этом отношении характерна концепция Джорджа Кеннана, изложенная им в лекциях, читанных в Чикагском университете, а затем в книге «Американская дипломатия 1900—1950 гг.»²⁸. Автор — один из руководящих деятелей государственного департамента США, тесно связанный с финансовой олигархией Уолл-стрита, — решительно отбросив фивовый листок буржуазного объективизма, прямо заявляет, что его публичный дебют в роли историка «порождается вовсе не абстрактным интересом к истории ради самой истории... а озабоченностью проблемами внешней политики, стоящими сегодня перед нами». Кеннан подходит к освещению, или, вернее, к извращению, истории Германии с точки зрения освоения одного из главных театров американской экспансии — европейского. Кеннан не скрывает, что полное подчинение этого и других театров (дальневосточного и латиноамериканского) влиянию США он расценивал бы как крупнейший этап на пути к утверждению мирового господства американского империализма. Германскую проблему он рассматривает как часть общеевропейской проблемы, считая, что её решение во второй половине XX в. и является важнейшей задачей США.

Концепция Кеннана довольно примитивна. В её основе лежит старая теория «равновесия сил», прикрывавшая английскую политику разжигания противоречий на европейском континенте для осуществления колониальной экспансии Англии во внеевропейских странах. «Отсутствие большой войны на континенте в течение ста лет до 1914 г., — пишет Кеннан, — основывалось на равновесии сил, которое предполагало существование Франции, Германии, Австро-Венгрии и России в качестве главных элементов, на фланге которых находилась Англия... Эта сложная структура обесценивала не только мир в Европе, но и безопасность США».

Кеннан выбрасывает за борт истории все войны, которые происходили в Европе после низложения Наполеона, а также многочисленные кровавые войны за раздел и передел колоний и полуколоний. Как известно, рождение империализма ознаменовалось грабительской войной США против Испании в целях подчинения Кубы и захвата Филиппин. Но Кеннан прикрывает захват американским империализмом Филиппинских островов всё той же системой мира и «равновесия сил» в Европе. «Если бы, — пишет он, — мы не захватили эти острова, то, повидимому, из-за них возникла бы ожесточенная борьба между Англией и Германией». Так, перебивая на новый американский лад старую английскую теорию «равновесия сил», Кеннан пытается доказать, что уже в конце XIX в. и в особенности в XX в. благодаря США сохранялся мир и устойчивость международных отношений.

После такого «открытия» нет ничего удивительного и в утверждении Кеннана, будто «мировой кризис», вспыхнувший в 1914 г. и продолжающийся поныне, имеет исключительно европейское происхождение. Причины первой мировой войны он усматривает отчасти «в неумолимых проблемах распада Турецкой империи», а отчасти в том, что в связи с «волнениями подчиненных народов в бассейне Дуная» Австро-Венгрия утратила «жизненный порыв». Таким образом, в качестве главного фактора, породившего первую мировую войну, Кеннан выдвигает национально-освободительное движение поработанных народов, в первую очередь славянских, — тезис, получивший широкое распространение в американской реакционной историографии. Среди других причин, вызвавших

²⁸ George F. Kennan. American diplomacy 1900—1950. Chicago. 1952.

войну, Кеннан на последнем месте упоминает «соперничество между Германией и Англией». Касаясь вопроса о виновниках войны, он устанавливает целую шкалу ответственности, никак не аргументированную и настолько сумбурную, что и сам называет ее «довольно неясной картиной». В этой шкале, пишет он, «австрийцы и русские, несомненно, на первом месте; на немцах — меньшая, но, несомненно, значительная доля вины; нет никого, кто был бы абсолютно невиновен». В этой действительно более чем неясной картине ясно только одно: автор ставит американский империализм над европейской, даже над мировой историей, считая, что США не имели никакого отношения к возникновению войны.

Тезис Кеннана далеко не оригинален. Бирд, Фей, Ленджер и другие представители американской реакционной историографии уже давно проповедуют его. Скользя по поверхности дипломатической истории, они тщательно обходят вопрос о наличии глубоких экономических и классовых основ империалистических войн и пытаются утверждать, будто империализм США не причастен к возникновению первой мировой войны и своим вмешательством в войну даже способствовал её прекращению. Не отрицая, что в период первой мировой войны Германия была «милитаристской и антидемократической страной», Кеннан считает, что с точки зрения дальнейшего развития исторических событий это не имеет отрицательного значения и даже является скорее преимуществом.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции вызывает в Кеннана слепую ненависть к революции и страстное желание хотя бы ценою новой кровавой войны повернуть историю вспять. Он никак не может примириться с тем, что к тому времени, когда был подписан Версальский договор, границы района, в котором западные государственные деятели, и главным образом американские, могли бы «восстановить постоянное процветание и мир для западной цивилизации... были, к сожалению, трагически сужены». Таким образом, Кеннан откровенно признаёт, что победа революции в России сорвала планы американского империализма утвердить своё господство над миром. Следуя традиции немецко-фашистской историографии, Кеннан рассматривает вторую мировую войну как прямое продолжение первой. «Эти войны, — пишет он, — велись ценою... нарушения равновесия сил на континенте, ценою создания в Западной Европе опасной, быть может, роковой восприимчивости к советской власти». Тем самым Кеннан пытается не только реабилитировать агрессивный германский империализм, но и прямо оправдать историческую версию гитлеровской пропаганды, которая грабительские цели закабаления и порабощения народов стремилась прикрыть лозунгами «борьбы против коммунизма».

Поддерживая немецко-фашистскую версию о виновниках войны, Кеннан стремится использовать её в интересах американского империализма. В то же время он стремится затушевать роль монополий США, которые, поддерживая и субсидируя немецких монополистов и гитлеровский режим, способствовали разжиганию второй мировой войны и прежде всего агрессии германского империализма против Советского Союза. Поэтому Кеннан утверждает, будто он не может «найти данных, говорящих о том, что ответственные круги в каких-либо из западных стран вообще хотели в то время войны, — даже войны между Россией и Германией».

Эту ложь разоблачила Историческая справка Совинформбюро о фальсификаторах истории. Она приводит многочисленные факты, убедительно раскрывающие поджигательскую деятельность западных держав накануне второй мировой войны. Кеннан не хочет видеть этих фактов. Он мечтает о том, как бы зачеркнуть весь исторический путь, пройденный человечеством после первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции в России, и начать всё сначала: «взять за отправной момент, ну, скажем, 1913 год». Применительно к современным

интересам американского империализма в Европе это означало бы возродить... «сильную (то есть милитаристскую.— А. Е.) Германию, способную снова играть определенную роль в качестве противника России в Европе».

Но, ратуя за такое возрождение Германии, Кеннан предупреждает, что в таком случае «Америка должна была бы заручиться правом создать в различных местах те или иные военные сооружения, так, чтобы наше слово могло иметь определенный вес и чтобы державы к нам прислушались». Так, грубо и цинично опрокидывая политику в прошлое, он привлекает историю лишь для того, чтобы оправдать стремление правящих кругов США осуществить свои агрессивные планы и установить мировое господство американского империализма.

Перед нами один из наиболее ярких примеров полного вырождения буржуазной историографии. Ничто больше не вдохновляет её, кроме интересов крайней реакции и агрессивного монополистического капитала. Идеино бесплодная, буржуазная историография способна только возвращаться к старым, отжившим историческим теориям, идеям и представлениям. Так, например, она пытается возродить старую теорию цикличности, или круговорота исторического процесса, которая ныне в модернизированном и весьма упрощённом виде противопоставляется идее прогрессивного всемирно-исторического процесса развития человечества. Намерения Кеннана повернуть колесо истории Германии и Европы на сорок лет назад и осуществить агрессивные планы американского империализма наших дней являются лишь одним из вариантов представлений о цикличности исторического кругооборота. Эти циклы в реакционной историографии могут быть различных географических и исторических измерений, но — странное дело! — они всегда завершаются попыткой обосновать установление мировой гегемонии США.

Пропагандистами реакционных теорий современной американской историографии выступают как дельцы, так и их идеологи, как политики, занимающиеся историей, так и историки, занимающиеся политикой. Американский историк Доналд Митчелл на страницах журнала «Current History» выступает как эксперт по вопросу о военном значении агрессивного Атлантического пакта, а газетный стратег Хэнсон Болдуин на страницах «Atlantic Monthly» подвизается как историк второй мировой войны, призывающий учесть её опыт под углом зрения новых агрессивных планов американского империализма. Историк С. Фей в новой работе, «Германия: проблема воссоединения», пытается обосновать американскую политику раскола Германии, а Кеннан, ставленник крупных монополий на поприще внешней политики и дипломатии, занимается историей Германии в духе циклического кругооборота протяжённостью в сорок лет.

Американский историк профессор Фредерик Крамер не только возвращается к этому циклу, в котором он объединяет две мировые войны, потрясшие человечество на протяжении последних сорока лет, но и пытается найти ему историческую аналогию в древнем мире. В статье «Падение и гибель Западной Европы»²⁹ он проводит аналогию между экономическим и политическим развитием Западной Европы с момента начала первой мировой войны и развитием греко-римской цивилизации. В обоих случаях причины упадка он усматривает в «гражданских войнах и длительном источении политического организма». Говоря о причинах падения и гибели Западной Европы, Крамер особо выделяет историческую роль Германии.

Существование милитаристской и империалистической Германии Крамер расценивает как один из наиболее значительных факторов западноевропейской цивилизации. С другой стороны, он рассматривает борьбу европейских народов за независимость как «раковое заболевание».

²⁹ «Current History», 1948. № 37.

ние». Этой борьбе он противопоставляет «идеи» космополитизма, при помощи которых американский империализм пытается ныне утвердить своё господство. Наконец, одной из важных причин «падения и гибели Западной Европы» Крамер считает распад сложившейся в конце прошлого века системы международных отношений, при которой «Великобритания, Россия, Германия, Австро-Венгрия и Франция сообща управляли миром». Теперь, пишет он, «мы присутствуем при кончине этой беспрецедентной европейской силы и престижа». Забегая вперёд, он уже считает возможным «отслужить панихиду у гроба старой и мощной Европы, умершей за истекшую треть века», и торжествовать по поводу того, что мировое господство «оказалось» в руках США.

Такова роль, которую взял на себя один из типичных представителей американской реакционной историографии,— роль трубадура агрессивных планов американского империализма и погребальщика идеи суверенитета европейских государств. Беспрецедентная и неблагоприятная роль, свидетельствующая о пути, по которому идёт развитие реакционной историографии наших дней.

В истории нового и новейшего времени германская проблема всегда являлась одной из наиболее важных, острых и сложных проблем, связанных с судьбами европейских народов. Ныне, когда немецкий народ вступил в наиболее ответственный период своей истории, германская проблема стала ареной острой идеологической борьбы между силами реакции и агрессии, с одной стороны, и прогрессивными силами,— с другой. В этих условиях реакционная историография, всемерно стремящаяся реабилитировать германский империализм, является составной частью общей идеологической агрессии, направленной против всех миролюбивых народов, в том числе и немецкого народа. Тот факт, что основные идеи современной реакционной историографии непосредственно разрабатывают сами монополисты и их ближайшие политические ставленники, свидетельствует о том значении, которое ими придаётся идеологической агрессии в германском вопросе.

Борясь за мирную демократическую Германию, передовые силы немецкого народа опираются на национальные и демократические традиции своей истории. Прогрессивная историография всех стран, в том числе самой Германии, активно разоблачает милитаристские и реваншистские концепции. Значительный вклад в дело борьбы против реакционной историографии вносят историки Германской Демократической Республики. Среди них следует назвать имена Ю. Кучинского, А. Нордена, А. Шреймера. Больше того, даже некоторые буржуазные историки Западной Германии высказывают довольно трезвые взгляды, направленные против попыток реабилитации гитлеризма. В этом отношении характерна позиция видного профессора Фрейбургского университета, председателя Общества западногерманских историков Герхарда Риттера. Выступая в печати по случаю десятой годовщины нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, Риттер писал: «Надо, наконец, покончить с нацистской легендой о том, что война против России была якобы превентивной войной... Несомненны две вещи: во-первых, война с Советским Союзом была преступной авантюрой и, во-вторых, Гитлер вел её... как чисто захватническую войну. Это была война не для обороны Европы, а для господства над целым континентом»³⁰.

Разоблачая реакционные, милитаристские и фашистские легенды, немецкая прогрессивная историография служит коренным национальным интересам своего народа, совпадающим с интересами народов всех стран, служит делу мира.

³⁰ «Stuttgarter Zeitung», 22 июня 1951 года.